

Норцов Алексей Николаевич

**В будуаре графини. "Aux
baisers"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Николаевич Н.**
В будуаре графини. "Aux baisers" / Норцов Алексей Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 75 с.

ISBN 978-5-521-25705-8

ISBN 978-5-521-25705-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— „Измочитесь, какъ есть измочитесь, и юшей прїѣдете. Ишь, дождь-то идетъ почитай вторую недѣлю и конна ему нѣту. Никита мигомъ-бы заложилъ тарантасъ.“

Но у меня были свои высшія соображенія, и я рѣшился ѣхать верхомъ, несмотря ни на что, потому что.... для того что-бы.... впрочемъ, это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

— „Я не поѣду съ Никитой,—возразилъ я съ нетерпѣніемъ,—вели остѣдлатъ Мухтара“

Семень повелъ плечами и уходя повторилъ также наставительно: „Измочитесь, какъ есть юшей прїѣдете. Да мнѣ что. Мое дѣло сказать, а тамъ уже дѣло ваше. Совсѣмъ измочитесь.“

Когда уже одѣтый я проходилъ мимо библіотеки, я захватилъ одну маленькую книжку и положилъ ее въ карманъ, надѣлъ сверхъ пальто непромокаемый плащъ и, удостоверившись, что въ каждой кабурѣ было сунуто по ботинкѣ (графиня не выноситъ верховыхъ сапоговъ), сѣлъ въ сѣдло и, пользуясь угасавшимъ свѣтомъ зари, поѣхалъ крупной рысью въ резиденцію кузины, этотъ эдемъ моихъ постоянныхъ мечтаній. Впрочемъ, въ этомъ эдемѣ меня всегда ждетъ чистилище. При графинѣ состоитъ штатъ: старушка, добрая Каролина Карловна, поклонница Вертера Гете, котораго читала 104 раза, бывшая бонна, а нынѣ завѣдующая хозяйствомъ, и двѣ старыя гувернантки графини,—сорокалѣтняя m^{lle} Nonot, чтущая память Бонапарта, обожающая скромныя произведенія преподобнаго отца де-Грекура, томы котораго я ей возилъ тайкомъ, и глухая до такой степени, что ей надо постоянно кричать въ ухо, и старая англійская миссъ, носящая изящное имя Grace, но увы! здѣсь отъ слова до дѣла было также далеко какъ отъ нашей планеты до солнца: miss Grace была выше меня цѣлой головой,—а я считаюсь высокаго роста,—худа какъ палка, имѣла громадныя ноги, ротъ акулы, постоянный флюсъ, лошадиные зубы и душилась такъ, что всѣ чувствовали за ¼ часа ея появленіе; коллекцію дополнялъ старый лакей покойнаго отца графини—Прохоръ Терентьичъ; этотъ хрычъ постоянно недоволенъ, читаетъ непременно кому-нибудь мораль или вспоминаетъ давно прошедшее время, когда онъ служилъ вмѣстѣ съ своимъ баринкомъ въ кирасирахъ и стоялъ на военныхъ поселеніяхъ въ Херсонской губерніи.

Терентьичъ встрѣтилъ меня съ важностью, оттолкнулъ подскочившаго юркаго лакея Павла, степенно снялъ непромокаемый плащъ и, повѣсивъ его величественно на вѣшалку, взглянулъ на меня свысока, но довольно снисходительно.

— „Измочились, сударь, совѣмъ,--проворчалъ онъ,-- надѣли бы не резиновую тряпку, а поддевку--и сухи доѣхали-бы. Бывало, въ такую погоду, какъ ставали мы съ покойникомъ съ Борисомъ съ Ликсандрычемъ--царство небесное, хорошій баринъ былъ!--въ Харсонской въ губерніи, еще въ бытность нашу въ карасерскомъ въ глуховскомъ полку,--бывало въ такую тонься погоду..."

Я съ ужасомъ предвижу безконечную экскурсію Терентьича въ военныя поселенія, сто разъ мною уже слышанное; старикашка ехидно пользуется моимъ безпомощнымъ положеніемъ; Павелъ стаскивалъ съ меня сапоги, а я замѣнялъ ихъ привезенными ботинками и приводилъ въ порядокъ свое лицо.—„Графиня у себя, Терентьичъ? Здорова?“—поспѣшно не ебилъ я его.

— „Въ бодаварѣ ихъ сіятельство, абнаковенно... Что имъ дѣлается?“ обиженно пробурчалъ онъ и преисполнясь сразу ко мнѣ презрѣніемъ, кивнулъ головой лакею и величественно произнесъ: „Павлушка, проводи ихъ“, затѣмъ не менѣе величественно удалился въ свои апартаменты, а Павелъ вступилъ со мной въ длинный широкій корридоръ, ведущій въ жилыя помѣщенія дома. Но до будуара, гдѣ меня почти всегда принимала кузина, было также трудно пробраться по корридору, какъ нашему броненосцу пройти незамѣченнымъ черезъ Босфоръ.

На встрѣчу мнѣ уже катилась, какъ шаръ кругленькая, маленькая Каролина Карловна.

— „Was! Sind Sie es wirklich!--вскричала она.—Ein solches Wetter! um Gottes Willen, wie sind Sie angekommen?“

— „Wiegewöhnlich, liebe Каролина Карловна,--верхомъ.“

— „Вирькомъ! Mein Gott! Вирькомъ! Такой мокрофица.“ Старушка всплеснула руками.

— „Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?“

„Es ist der Vater mit seinem Kind!.." продекламировалъ я съ пафосомъ, но, вспомнивъ что со мной не было никакого

Kind'a, поспѣшилъ прибавить: „—Doch es giebt kein Kind, liebe Karolina Karlovna, ich bitte um Entschuldigung“

— „So, so! салуниска!“ И добрая Каролина Карловна, смѣясь, покатила дальше по хозяйству.

Не успѣлъ я сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, какъ одна изъ дверей, выходящихъ въ корридоръ, распахнулась и выскочила m-lle Nonot. Чепчикъ у старой дѣвы былъ на боку а самый видъ ея являлъ нѣкоторое подобіе тѣхъ героинь, которыя нѣкогда съ косами и вилами провожали изъ Версаля въ Парижъ несчастнаго Людовика XVI.

— „C'est vous, monsieur?—закричала она—vous avez tenu votre promesse, j'espère?“

— „Celle de payer le droit de passage, comme on dirait le gateau à Cerbère?—(m-lle Nonot туга на ухо и потому эта дерзость пропала для меня безнаказанно). Voici le volume suivant du charmant Grecourt, j'ose dire, le volume le plus indécent des ouvrages du révérend père.“

— „Comment?! Vous etes tombé dans l'„овражекъ“ les pieds en l'air? Vous n'avez rien de cassé?“

Но я скорѣе сунулъ ей въ руку книгу, мысленно посылая глухую дѣву въ мѣста отдаленныя.

— „Merci. C'est délicieux, monsieur l'abbé de Grecourt, savez-vous?“

— „N'est-ce pas, mademoiselle, que la comtesse n'en saura rien?“—кричу я ей.

— „He'las, oui! c'est un grand vaurien, mais délicieux,—заорала m-lle Nonot на весь корридоръ,—merci!“

И, схвативъ книжку, она скрылась въ своей комнатѣ.

Я подходилъ къ самому опасному мѣсту перехода, тамъ гдѣ залегло двуногое и длиннозубое чудовище Альбіона. Уже издавѣка чувствовались ядовитыя испаренія его: всѣ крѣпчайшіе духи—коридопсисъ, мускусъ, волкамерія, жасминъ, патчули (о, ужасъ!), а затѣмъ всѣ туалетные уксусы и амбре—Acidule de Violette, Eau de Lavande ambrée и т. д., какъ густой ежмѣамъ курились, крутились, извивались и проникали изъ всѣхъ отверстій аппаратаментовъ miss Grace, производя на мимо идущаго путника такое же дѣйствіе, какое приходилось на долю пивои, посаженной на треножникѣ въ щели дельфійской. Зажавъ носъ платкомъ,

я пробирался на цыпочкахъ, со страхомъ, мимо сего логовища, между тѣмъ какъ сзади идущій Павелъ фыркалъ подъянось—но, увы! я не ускользнулъ отъ бѣды!

Внезапно щелкнулъ ключъ, раскрылась дверь и выплыла торжественно сама миссъ. Непомѣрные ноги ея, подобно лодкамъ, при ходѣ лавировали вправо и влево, дѣйственная ланита ея была величественно перевязана платкомъ, а вслѣдъ за ней, какъ густое облако, неслись корилопсисъ, мускусъ и К°

Видя опасность, но еще не теряя присутствія духа, я попытался скрыться за широкой спиной Павла, но чудовище меня уже увидѣло.

— „Aoh!—съ удивленьемъ воскликнула она—It is incredible! Venir par temps affreuse vo ici! Vo avoar froa?“

Чтобы ея скорѣе избавиться, я моментально дѣлаюсь идиотомъ, и отвѣчаю гортанными звуками:

— „Aoh, yes, miss Grace! Je avoar froa, moa!“

— „Aoh, shocking!—сердито проговорила она, раскрывая свой неимоверно широкий ротъ,—parlez fason mauvaise francais vo, you know?“

— „Aoh, miss Grace! Je ne comprendre vo pas, moa. Je avoar mal dans la tête, moa! Parfumez vo trop, aoh!“

— „For shame!“—вскричала она гнѣвно, сердито хлопнула дверью, ключъ щелкнулъ въ замкъ, и я прошелъ наконецъ послѣднее испытаніе. Дойдя со мной по собственнымъ апартаментовъ графини, Павелъ приподнялъ портьеру и пропустивъ меня въ маленькую гостинную, отправился въ обратный путь, а ко мнѣ изъ смежной комнаты выбѣжала хорошенькая Пашенька, крестовая сестрица и любимица графини. Кузина—моя богиня, Пашенька—мое мученье. Когда я вижу Пашеньку—я почти забываю графиню. Когда я вижу графиню, я совершенно забываю Пашеньку. Когда онѣ обѣ вмѣстѣ, я положительно теряю голову.

Пашенька была въ этотъ вечеръ прехорошенькая и превеселая. Она вспыхнула, опустила сверкающія глазки и сдѣлала премиленькій книксенъ.

— „Пожалуйте, васъ давно ждутъ“.—Я обнялъ ее за талію.

— „Ахъ, Пашенька, ты лучъ радости, маякъ спасенья среди случившихся со мной ужасныхъ приключеній.

Свирѣный Харонъ-Терентычъ свергъ меня въ страну Аида, гдѣ терзаютъ путника фурія и чудовища, теперь я вступаю въ обитель счастья, и первой вѣстницей этого ты, о, головокружительная камерюнгфрау ея богоподобнаго сіятельства!"

Я чмокнулъ ее въ правую щечку, а лѣвую Пашенька, будучи истинной христіанкой, сама мнѣ подставила; затѣмъ она снова вспыхнула и сдѣлала видъ что сердится.

— „Какіе вы! Стыдно вамъ!“

— „Пашенька, не стыди меня, пожалуйста, а то, право, я покрасѣю. Если бы ты знала, какія у тебя щеки! несмотря на осень, такъ и пахнетъ отъ нихъ весной!“

И я хотѣлъ приступить ко второму значительно дополненному изданію христіанскаго обряда, но Пашенька, еще болѣе вспыхнувъ, оттолкнула меня.

— „Какіе вы! А сейчасъ будете у графини ручки цѣловать!“

— „Отъ полноты чувствъ, несравненная Пашенька, отъ полноты чувствъ! Не надуй такъ свои губки, это совѣтъ не идетъ къ твоему личику.“

Я хотѣлъ снова схватить ее за талію, но она увернулась съ полусмѣхомъ.

— „Пожалуйте къ ея сіятельству,—вась уже давно ждуть.“

И, лукаво поглядѣвъ на меня, она исчезла за портѣрой, а я, пройдя еще одну комнату, нашелъ прелестную кухню въ будуарѣ, любимомъ ея мѣстопребываніи. Осенью эта комната имѣетъ для меня особенную прелесть. На дворѣ холодъ, дождь, буря, а здѣсь весело трещитъ каминъ, на пианино раскрытъ Шопенъ уноситъ изъ кирсановскаго уѣзда въ заоблачныя страны, на кушеткѣ сама графиня „aux baisers“ въ изящномъ платьѣ, изъ-подъ котораго кокетливо выглядываетъ маленькая ножка, а по комнатѣ распространенъ легкій запахъ ириса, любимыхъ духовъ хозяйки дома. Въ этой комнатѣ графиня принимаетъ только нѣкоторыхъ дамъ а изъ мужчинъ только меня. Это отличие рѣдкое и дорого цѣнимое.

При моемъ входѣ она положила на геридончикъ книжку и протянула ручку; синія очи были слегка полузакрыты

длинными шелковистыми рѣсницами, а по сіятельнымъ губкамъ пробѣгала загадочная улыбка. Я мысленно поблагодарилъ обворожительную хозяйку дома за полузакрытыя очи ея, иначе я положительно слѣпну отъ красоты ихъ и говорю глупости

— „Enfin le voici....—произнесла она.—Ну, здравствуйте, здравствуйте. Finissez vos baise mains. Cela me deplait.“

— „N'y faites pas attention, cousine. C'est une bonne vieille habitude que mon coeur a pris et ne peut s'en passer.“

— „Ну хорошо, хорошо. Садитесь. У васъ такой испуганный видъ. Бѣдный cousin, васъ кто-нибудь напугалъ?“

Я вздохнулъ, подходя къ креслу.

— „Ахъ, кузина! Вступивъ въ вашъ домъ, я невольно вспоминалъ путешествія Митродоры, Минодоры, Теодоры— что то въ этомъ родѣ, не помню,—изъ Четыи Миней.“

— „Чимити... Qu'est—ce que c'est? C'est du chinois?“

— „Mais à peu près, c'est un nom ecclésiastique, si je ne me trompe pas. C'est comme qui dirait les aventures contemplatives, galantes etc. des pères de l' Eglise et autres lieux“.

— „Ну, рассказывайте, что такое было съ Минодорой?“

— „Преужасныя приключенія. Ангелы долго водили ее по мытарствамъ, пока она не попала наконецъ въ рай. И я также. Сначала я прошелъ черезъ нотации Терентьича, встрѣтилъ Каролину Карловну, попалъ на m-lle Nonot и едва убрался отъ гнѣва miss Grace.“

Графиня засмѣялась серебристымъ смѣхомъ.

— „Бѣдные Nonot и Grace! Если бы онѣ слышали... Ну, садитесь... Savez vous que vous etiez bien long à venir, monsieur mon cousin?“

— „Grand Dieu! Aurai-je le bonheur d'être désiré, madame ma cousine?“

Какъ истинная женщина, графиня не дала прямого отвѣта, но съ своей загадочной улыбкой проговорила: „Vous êtes en retard. Avouez le.“

— „J'avoue ma faute mais j'invoque seulement le benefice d'une excuse. Ah, cousine, ma chère cousine! Croyez moi que les moments les plus heureux de ma vie sont ceux qui me mettent à vos pieds.“

— „Voilà une phrase style Louis XV qui me désarme... Eh bien, que faites vous donc? Vous recommencez vos baise mains?“

— „Ah, cousine! me croyez vous si insolent pour oublier ce que consacre votre nom même, o incomparable comtesse „aux baisers!“

-- „Non, décidément vous devenez style Pompadour aujourd'hui“—сказала она, отнимая у меня свои ручки.

Я вздохнулъ.

— „Ah, le beau vieux temps de veritables marquises et de vrais vicomtes, cousine! et que ne sommes nous pas en arrière de deux siècles, loin de cette époque de parvenus roulant carrosses! Quelle belle marquise vous seriez et quel charmant vicomte j'aurais été moi-même, hélas!“

— „Je vois, mon ami, que vous êtes très riche en bonne opinion de vous même“,—возразила графиня, погрозивъ мнѣ пальчикомъ и окинувъ меня взглядомъ своимъ синихъ очей. Охъ, какой это былъ взглядъ! Я невольно зажмурился, чтобы не ослѣпнуть.

— „Ну, будьте благоразумны и слушайтесь старшихъ (графиня старше меня цѣлымъ годомъ и злоупотребляетъ этимъ). Сядьте смирно. Вы вѣроятно пріѣхали опять верхомъ?“

Я сдѣлался маленькимъ, маленькимъ.

— „Вирькомъ, кухня, вирькомъ, какъ говорить Каролина Карловна“,—пропищалъ я тоненькимъ голоскомъ.

Графиня закусила свои губки, чтобы не разсмѣяться.

— „Вѣдь я вамъ запретила пріѣзжать ко мнѣ по вечерамъ верхомъ, потому что отлично знаю для чего это дѣлается, мой непослушный cousin.“

Я вытянулъ лицо. Никогда моя прелестная кухня не была такъ сердита, какъ сегодня, а я надѣялся...

— „О, строгое сіятельство, соизвольте пожалѣть одинокаго усталаго путника. Неужели вы его выгоните въ такую ужасную погоду?“

— „Не плачьте, одинокій усталый путникъ. Васъ отвезутъ домой въ экипажѣ, а вашего Мухтара,—вы вѣроятно на немъ пріѣхали?—приведутъ вамъ завтра утромъ.“

Я еще болѣе вытянулъ лицо.

— „Ахъ кузина, за что такая жестокость?“

Графиня немного смутилась и полузакрыла свои обво-
рожающія очи.

— „Во-первыхъ, вы нагоняете страхъ и бессонницу.
Бѣдную Пашеньку вы такъ напугали въ послѣдній разъ
страшными разсказами, что она теперь боится спать одна.“

— „А во... вторыхъ?“

— „Во... вторыхъ?—графиня еще болѣе смутилась и слег-
ка покраснѣла,—но я думаю, съ васъ довольно и во-первыхъ.“

Я вздохнулъ. Я зналъ это „вовторыхъ“, увы!

При видѣ моей неожиданной покорности, графиня
посмотрѣла на меня сквозь рѣсницы и сама немного вздох-
нула. Увы, только это, и ничего болѣе.

— „Будьте же благоразумны, мой другъ. Сидите сми-
рно. Я васъ буду занимать, какъ хозяйка дома.“

— „Кузина, вы меня всегда занимаете. Мой умъ, мое
сердце, мое все занято вами.“

— „Vous dites toujours des betises, cousin.“

— „Le vrai sentiment est toujours bête, cousine“.

— „Rassurez vous, je ne crois pas au votre. Теперь
слушайте. Я только что прочла преннтересныя вещи. Это
нѣлая наука....“

Я не на шутку испугался.

— „Наука?—воскликнулъ я,—дорогая кузина, мнѣ стано-
вится страшно... что общаго между сухой наукой и луче-
зарной женской красотой, передъ которой забывается вся
наука?“

— „Несносный cousin, красота отъ этого нисколько не
терять, если я немного заинтересовалась спиритизмомъ или
такъ называемыми медіумическими явленіями. Неужели вы
ничего не читали про это и не интересуетесь?“

— „О спери.... о медіум... о, я сплю!“

— „Вы прелюбезны. Проснитесь. Знаете-ли вы по край-
ней мѣрѣ изъ чего вы состоите?“

— „Какъ? Изъ-чего я состою?! Вотъ вопросъ!“

— „Однако?“

— „Изъ костей и мяса.“

— „Безъ души? Je vous felicite, cousin. Vous etes savant
pour votre age.“

— „Que non, que non, cousine! J'étais bien jadis en puissance d'ame mais depuis longtemps l'infortune'e est à votre disposition et j'en fais mon deuil.“

— „Si vous traitez ainsi les questions serieuses.... Хотите или нѣтъ быть серьезнымъ со мной?“

— „Хочу, кузина, хочу!“

— „И не будете говорить вздора?“

— „Не буду, кузина, не буду!“

— „Ну, смотрите же,—графиня погрозила мнѣ пальчикомъ,—если вы не будете серьезны, я васъ накажу!“

— „Наказывайте, кузина, наказывайте!“

Я вытянулъ лицо, сложилъ руки на колѣни, сжалъ губы и приготовился слушать. Графиня закусилла губки.

— „Вы всегда такой, когда говорить о серьезныхъ вещахъ!“

— „Кузина! Я вспомнилъ какъ нѣкогда учили меня гувернантки: „tenez vous droit, fermez votre bouche, ne faites pas de grimace!“ и хотѣлъ отъ чистаго сердца приложить эти правила и къ настоящему случаю.“

Графиня засмѣялась звонкимъ серебристымъ смѣхомъ.

— „Я вамъ прощаю, школьникъ въ этакій, но чтобы это было въ послѣдній разъ. Слышите?“

— „Слушаю-сь, о, строгое сіятельство!“

Графиня устремила на меня взглядъ своихъ синнихъ очей, отъ блеска которыхъ у меня начала кружиться снова голова, затѣмъ, полузакрывъ ихъ, по своему обыкновенію, проговорила съ состраданьемъ:

— „Бѣдный, вы даже не знаете изъ чего вы состоите? Ну, слушайте. Я могу васъ многому научить. Я только что прочла про это.“

И какъ дѣвочка, боящаяся чтобы не сбили ея вызубренное, прелестная кузина проговорила скороговоркой:

— „По толкованію спиритовъ, человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей. Вы слышите? три части. Первая это безплотная душа, вторая—плотская оболочка, тѣло, а третья—règiment, полутѣлесная эфирная оболочка, связь соединенія души съ тѣломъ.... это..... это.....“

Графиня здѣсь немного замялась, и взявъ съ геридончика книжку, раскрыла ее, пробѣжала глазами нѣсколько строкъ и продолжала:

— „Périspit—это, такъ сказать, электрическая нитка, чрезъ которую проходятъ всѣ ощущенія души и передаются тѣлу. По смерти плотской оболочки, périspit составляетъ для души то же, что было тѣло для человѣка при жизни, потому что по своей эфирности и эластичности оно подвергается всевозможнымъ видоизмѣненіямъ.... Это... это...“

Графиня покраснѣла и опять справилась съ книжкой.

— „Это эфирное тѣло души для насъ не видимо, но иногда дѣлается видимо. Человѣкъ—это соединеніе души, тѣла и périspit, а духъ это соединеніе души и périspit. Слѣдовательно.... Поняли вы меня?“

Я захопалъ глазами.

— „Повторите. Слѣдовательно, душа...“

— „Душа, кухня...“

— „Ну?“

— „Душа, кухня...“

— „Вы замѣчательно безтолковы. Вы не поняли, что человѣкъ тройное, духъ двойное, а душа...“

Я захопалъ глазами.

— „Душа, кухня...“

— „Ну?“

Положительно спиритизмъ мнѣ не давался. Мнѣ стало жарко и жутко, какъ ученику передъ поркой.

— „Душа, кухня...“

Графиня топнула сердито ножкой.

— „Душа—существо единичное! Поняли? Вы, какъ попугай, затвердили одно и то же изъ-за вашей страсти къ jeux de mots... Что же вы молчите?“

— „Вы сами не велѣли мнѣ говорить.“

— „Ахъ, какой послушный, скажите! Но это совѣмъ вамъ не къ лицу, увѣряю васъ.“

— „Будьте милостивы къ слабымъ мозгамъ скромнаго человѣка, о, строгая моя кухня! Могу-ли я сразу проглотить такую трудную науку спир.... медиу.... и проч., когда, даже при всей начитанности вашей, вы сами изволите поминутно справляться съ книжкой.“

Графиня надулась.

— „Сядьте смирно, несносный школьникъ, и молчите а то я васъ въ уголъ поставлю. Ну, слушайте внимательно,